

О природе регулирования конкуренции

Ю. В. Тарануха

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 199991, Москва, Ленинские горы, 1

Для цитирования: Тарануха Ю. В. (2019) О природе регулирования конкуренции. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. Т. 35. Вып. 3. С. 330–359.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.302>

Статья посвящена изучению вопроса о природе регулирования конкуренции. На основе воспроизводственного подхода раскрывается причина регулирования конкуренции, обусловленная противоречивостью отношения, заключенного в самой конкуренции. Регулирование конкуренции рассматривается как неизбежный результат процесса ее собственного развития. В этой связи переход от свободной к регулируемой форме конкуренции является следствием разрешения противоречия, заключенного в самой конкуренции. Показано, что усиление регулирующей составляющей в конкуренции является эволюционной закономерностью, обусловленной, с одной стороны, ростом интеграционных процессов в экономике, а с другой — усилением деструктивных последствий конкуренции. Особое внимание уделяется вопросам эволюции содержания регулирующей составляющей конкуренции и форм ее проявления. Автор демонстрирует, что содержание конкурентного отношения трансформируется в направлении изменения принципа конкурентного соперничества, выражаясь в переходе от бескомпромиссной борьбы к соревновательным ее формам, которые не предполагают витального исхода борьбы. Как следствие, процесс регулирования конкуренции все в большей степени становится подверженным внутренним факторам воздействия. Поэтому, наряду с усилением мер внешнего воздействия в регулировании конкуренции, нарастает тенденция к саморегулированию. Это трактуется автором в качестве формирования основы для перехода в будущем к новой форме конкуренции — соревновательной конкуренции, которая представляет собой форму соперничества, ведущегося на основе добровольного ограничения эгоистических притязаний и установления партнерских отношений между соперниками ради повышения совместной конкурентоспособности.

Ключевые слова: конкуренция, формы конкуренции, регулирование конкуренции, конкурентная политика, антимонопольная политика.

Введение

Принято считать, что именно состояние конкуренции определяет уровень инноваций и экономический рост [Buccirosi et al., 2011]. Поэтому забота о поддержании конкурентного состояния рынков является одной из главных задач регулирующих органов всех уровней [Regulation and competition, 2017]. Для ее решения создано обширное регулирующее законодательство, за применением которого следит множество органов, действующих не только на национальном, но и на международном уровне. Причем, как справедливо отмечается в отечественной литературе,

внимание мирового сообщества к проблеме регулирования конкуренции и рынков возрастает как из-за роста глобализации экономики [Пахомова, 2008, с. 9; Ревенко, 2015, с. 30, 43], так и вследствие усиления турбулентности на товарных рынках [Ревенко, 2015, с. 32].

Между тем, несмотря на существование масштабной конкурентной и антимонопольной политики, многие теоретики и практики считают, что столь пристальная забота о конкуренции представляет главную угрозу ее работоспособности. Причем дискуссия ведется не только в отношении применяемых регулирующих мер. Нерешенным остается и сам вопрос о природе и допустимости регулирования в отношении конкуренции. По крайней мере, теоретиков этой сферы можно разделить на две непримиримые группы. Сторонники одной считают регулирование конкуренции необходимым условием поддержания ее действия, а адепты другой, напротив, видят в этом угрозу существованию конкуренции.

Проблема заключается не в наличии теоретического противоборства этих групп, а в непосредственном воздействии на хозяйственную практику политики, пропагандируемой каждой из них. Именно практическая сторона вопроса заставляет вернуться к теоретической дискуссии о природе регулирования конкуренции. Это объясняется двумя причинами: во-первых, усилением роли конкуренции в создании стимулов для завоевания превосходства посредством внедрения инноваций в условиях перехода экономик к инновационному типу развития; во-вторых, выходом проблем регулирования на мировой уровень в связи с глобализацией рынков и, соответственно, конкуренции.

Прежние теоретические подходы к вопросу о природе конкурентного регулирования, по всей видимости, исчерпали свой ресурс. Свидетельством этому может служить переориентация исследовательского внимания с выявления причин вмешательства в конкурентный процесс. Данная переориентация отнюдь не недостаток теории антимонопольного регулирования, а достоинство, так как позволяет усилить практическую значимость теории. И все же она не является свидетельством решения проблемы, так как позиции сторон фактически не изменились. Это указывает на необходимость нового, альтернативного подхода к решению вопроса о природе регулирования конкуренции и мерах этого регулирования.

Существующие подходы к анализу природы регулирования конкуренции традиционно опираются на две теоретические традиции: неоклассическую и неоавстрийскую парадигмы. Согласно первой, регулирование конкуренции рассматривается как вспомогательный механизм, способствующий исправлению провалов рынка, в качестве инструмента защиты конкуренции (поддержания конкурентных условий). Неоавстрийский подход к проблеме, напротив, отвергает необходимость вмешательства в конкурентный процесс, полагая, что любые защитные меры неизбежно ведут к ограничению конкуренции [Шаститко, 2008, с. 106].

Указанное противостояние сохраняется на протяжении многих десятилетий, что побуждает к поиску альтернативных подходов к решению проблемы. В данной работе она рассматривается с принципиально иных позиций — в рамках производственного подхода. Поэтому опорными постулатами будут служить не рациональное поведение и рыночное равновесие и не предпринимательская деятельность, осуществляемая в условиях неосведомленности, а неперемнная транс-

формация экономических явлений на основе заключенных в них внутренних противоречий.

Цель статьи — показать, что решение вопроса о природе регулирования конкуренции связано с пониманием диалектики процесса развития самой конкуренции, что и определяет логику изложения исследования.

В первой части статьи дан краткий обзор представления проблемы в литературе и указаны отличительные особенности и преимущества авторского подхода к ее решению. Вторая, основная, ее часть посвящена исследованию природы регулирования рыночной конкуренции. В ней показано, что исследуемое явление, во-первых, выступает непосредственным следствием внутреннего противоречия, которое заключено в конкуренции как норме, призванной уравнивать эгоистические притязания соперников, а во-вторых, эволюционирует, принимая разные формы именно в результате разрешения указанного противоречия. В третьей части статьи указаны причины и основные тенденции тех трансформационных процессов, которые претерпевает регулирование конкуренции в настоящее время.

1. Субъективистская трактовка причин регулирования экономической конкуренции

Стремление к регулированию конкурентных условий подверглось критике сразу после принятия в США законов Шермана, которая не имела никакой теоретической базы и опиралась исключительно на практику, указывая на наличие заинтересованных сторон в качестве подлинной причины регулирования. Интерес к проблеме со стороны теоретиков возник только в 50-е гг. XX в. в связи с разработкой проблем эффективного функционирования отраслевых рынков. В настоящее время выделяют два противостоящих друг другу подхода к трактовке природы регулирования конкуренции. Один из них воплощен в теориях общественного интереса (public interest theories), а другой — в теориях частного интереса (private interest theories) [Regulation and competition, 2017; Тамбовцев, 2016]. Принципиальное различие между ними заключается в разности оценок: в первом случае утверждается, что регулирование конкуренции направлено на увеличение общественного благосостояния, а во втором — постулируется обратное, заявляется, что регулирование приносит пользу прежде всего бизнесу.

Классическим образцом теории общественного интереса является подход гарвардской школы, согласно которому необходимость в регулировании связывалась с потребностью в поддержании конкурентности рынков ради достижения лучших экономических результатов: эффективного распределения ресурсов, активной инновационной деятельности и большего общественного благосостояния. Задачей регулирования провозглашалась борьба с монополизмом, цель которой — предотвращение перераспределения излишка потребителей в пользу монополий. Теоретико-методологической базой анализа проблемы служила неоклассическая теория с ее концепцией рыночного равновесия и оптимизации, а также методами сравнительной статистики. Происхождение регулирования конкуренции выводилось из особенностей функционирования рынка. Причину регулирования конкуренции усматривали в наличии у рынка недостатков — «провалов рынка», наличие которых, снижая интенсивность конкуренции, препятствовало его эффективной работе.

Из этого логично вытекала потребность в поддержке интенсивности конкуренции на рынках. Основная причина, наносящая наибольший ущерб конкуренции, виделась в наличии рыночной власти, порождаемой концентрацией рынка, ввиду чего и борьба с ней в гарвардской парадигме рассматривалась в качестве главной задачи по поддержанию конкурентности рынков.

К сторонникам теории общественного интереса иногда относят и неаустрийскую школу [Regulation and competition, 2017]. Однако с этим трудно согласиться. Как известно, ее представители до сих пор последовательно выступают против вмешательства в конкурентный механизм, считая, что любое вмешательство ведет к искажениям в его работе и требует дальнейшего вмешательства, создавая спираль постоянно возрастающего масштаба и уровня регулирования. Такой взгляд на регулирование, в совокупности с отрицанием экономической монополии [DiLorenzo, 1996; Арментано, 2005], сформировал соответствующий «...общемировоззренческий вывод: антимонопольная политика не нужна для исправления рыночных изъянов» [Шаститко, 2008, с. 123]. Подобное отношение к антимонопольной политике нашло отражение и в отечественной литературе, где такая политика была определена как неопротекционизм [Новиков, 2003; Кизилов, Новиков, 2018]. Следовательно, неаустрийскую школу нужно отнести к принципиальным противникам регулирования конкуренции. Тот факт, что Ф. фон Хайек считал необходимым участие государства в установлении конкурентного порядка [Хайек, 2001], ничего не меняет, так как, по его мнению, такая деятельность государства как раз не предусматривает вмешательства в работу рынка.

Оппонентом гарвардской школы выступила чикагская школа, рабочая гипотеза которой состояла в отрицании непосредственной связи между концентрацией рынка и эффективностью его работы. Напротив, утверждалось, что именно крупные фирмы обеспечивают рост эффективности и инновации. В противоположность гарвардскому подходу, связывавшему результаты работы рынка преимущественно с типом рыночной структуры, представители чикагской школы сопрягали результаты с поведенческими стратегиями фирм. В этом случае фокус регулирования перемещался с концентрации рынка на поведение фирм. Следовательно, регулирование конкуренции должно осуществляться так, чтобы обеспечение оптимального распределения ресурсов не наносило ущерба производственной эффективности. Лозунг данного подхода: «Конкуренция необходима везде, где возможно, а регулирование только там, где необходимо». Это нашло выражение в перемене принципов применения антимонопольной политики — переходе от правила «согласно букве закона» (*per se rule*), применение которого предполагает учет только формальных признаков, к правилу «взвешенного подхода» (*rule of reason*), которое допускает ограничивающие конкуренцию действия, если они перекрываются выигрышем в аллокативной эффективности. С учетом этого обстоятельства можно утверждать, что в отношении природы и причин регулирования конкуренции чикагский подход ничем не отличался от гарвардского, так как связывал необходимость регулирования конкуренции с заботой об общественном благе.

Совершенно иной взгляд на проблему в начале 70-х гг. XX в. предложил известный представитель чикагской школы Дж. Стиглер [Stigler, 1971]. По-видимому, он был первым, кто поставил вопрос о природе регулирования конкуренции в качестве самостоятельной научной проблемы, и поэтому вполне обоснованно может

считаться создателем экономической теории регулирования конкуренции. Утверждение о том, что регулирование конкуренции направлено на реализацию общественных интересов, Стиглер назвал «идеалистическим взглядом» [Stigler, 1971, p. 17]. Его рабочая гипотеза заключалась в том, что регулирование представляет собой продукт, который производится на рынке, как и любой другой продукт. Если это так, то оно в качестве государственной услуги может быть куплено фирмами на «рынке государственных услуг» для реализации своих частных интересов. На этом основании Стиглер оспорил идею, согласно которой регулирование вызвано необходимостью обеспечения общественных интересов, и показал, что коммерческие фирмы обладают целым рядом преимуществ (информационных и организационных), которые позволяют им воздействовать на регулирующие органы и использовать их деятельность в своих интересах.

Такая трактовка природы регулирования конкуренции ставила под сомнение его необходимость, а Стиглер оказывался в неоавстрийском лагере. Конечно, не в смысле его перехода на позиции неоавстрийской школы, а в отношении совпадения взглядов на последствия регулирования конкуренции. Неоавстрийцы всегда состояли в оппозиции всем ветвям неоклассической школы (гарвардской, чикагской и постчикагской) по поводу оценок результатов регулирующего воздействия на рынок [Шаститко, 2008, с. 121], во всяком случае, к антимонопольной политике, которая квалифицируется неоавстрийцами как неопротекционизм. Поэтому их отношение к регулированию рынка является негативным, а антимонопольное регулирование признается несостоятельным. В неоклассике, напротив, антимонопольная политика рассматривается как инструмент исправления недостатков рынка. Подход Стиглера оказывается созвучным с неоавстрийским в том, что регулирование конкуренции, применяемое с целью реализации интересов общества посредством исправления недостатков рынка, в действительности служит интересам частных лиц (фирмам) и приводит к еще большим искажениям в условиях конкуренции. В некоторых работах прямо указывается на ангажированность антимонопольных законов, которые принимались не для поддержания конкуренции и общественного интереса, а ради отдельных заинтересованных сторон [ДиЛоренцо, 2007]. Так, принятие антитрестовских законов в США в конце XIX в. напрямую связано с давлением со стороны малого и среднего бизнеса, проигравшего крупному бизнесу в конкуренции по издержкам.

Позднее идея о контроле бизнесом регулирующих органов оформилась в виде теории нормативного захвата, провозглашавшей подчинение регулирующих органов заинтересованным сторонам (фирмам), деятельность которых они должны регулировать. Фирмы через лицензирование деятельности и принятие регулируемыми органами разных нормативных документов создают дополнительные барьеры входа для соперников, формируя благоприятные условия для извлечения монопольных выгод. Теория общественного выбора, опираясь на идею о своекорыстии участников процессов принятия политических решений и обосновывая склонность законодателей и государственных служащих к учету прежде всего интересов бизнеса, только укрепляла теорию нормативного захвата. В результате ориентированное на защиту общественных интересов регулирование встало на службу частному интересу [Hertog den, 2003].

Подобный взгляд господствовал и в отечественной литературе. Правда, российские авторы вопрос о природе регулирования конкуренции никогда специально не выделяли, рассматривая его в качестве неотъемлемой части системы государственно-монополистического регулирования. Однако подход к самому регулированию претерпел примерно ту же эволюцию [Всемирная история..., 1997, с. 317], которая наблюдалась в буржуазной экономической литературе. Вплоть до середины 60-х гг. XX в. методологическим ключом к анализу проблем регулирования капиталистической экономики служил сталинский тезис о подчинении буржуазного государства интересам монополий [Политическая экономия, 1955, с. 280]. С конца 1960-х гг. приоритет был отдан идее «сращивания интересов государства и монополий», где государству отводилась роль ночного сторожа [Политическая экономия..., 1975], а регулированию — инструмента разрешения противоречий капиталистического способа производства [США: государственно-монополистическое... 1972; Кузнецов, 1979; Меньшиков, 1979, 1981; Экономические законы..., 1988].

Вместе с тем идея Стиглера была подвергнута критике по целому ряду направлений. Его упрекали в том, что он: во-первых, преувеличил возможности влияния бизнеса на регулирующие органы; во-вторых, проигнорировал различия между законодателями, устанавливающими нормы, и исполняющими их чиновниками; в-третьих, обосновал свои выводы на ограниченной эмпирической базе. Против его теории свидетельствовал и ряд эмпирических наблюдений, явно указывавших на то, что регулирующие структуры далеко не всегда действуют в интересах бизнеса. Разрешение для этих упреков предложил Пельцман [Peltzman, 1976], который модифицировал теорию регулирования конкуренции идеей о двойственности влияния, которому подвергаются регулирующие органы, находясь одновременно под давлением интересов общественности (потребителей) и отраслевой промышленности (бизнеса). По всей видимости, именно эта позиция разделяется отечественными специалистами в области рыночного регулирования [Пахомова, 2008, с. 9].

В последующем именно такая трактовка регулирования стала господствующей. Более того, она рассматривается в качестве принципа, на который должны опираться в своей деятельности регулирующие органы: осуществлять регулирование на уровне отрасли в интересах производителей, а в масштабах страны — в интересах потребителей, что является ключом для работы в условиях динамичной конкуренции и быстро развивающихся рынков [Coscelli, 2018]. При этом в известной степени были подтверждены выводы гарвардской школы относительно роли структурных факторов, что объективизировало потребность в регулировании. Сходными были и выводы институционалистов, рассматривавших наличие правила и норм в качестве предпосылки для функционирования рынков и конкуренции и одновременно признававших возможность их негативного влияния на конкуренцию, вызывая необходимость регулирования. Странники эволюционного подхода, повернув проблему в русло динамики, указали на необходимость разработки конкурентной политики с учетом трансформации рынков во времени, поскольку регулирующее воздействие на конкуренцию приводит к изменению рутин и поведения фирм, требующего модификации политики регулирования. Из этого последовало два важных вывода: 1) эффективной модели регулирования в принципе не существует; 2) модель регулирования должна соответствовать реальным условиям

конкуренции. Причем в этой модели монополиям должна отводиться роль проводников технологического прогресса и инструмента развития рынков.

В настоящее время доминирует мнение, что регулирование конкуренции необходимо и обусловлено множеством причин [Regulation and competition, 2017]. Первоначально потребность в нем связывали исключительно с «провалами (экстерналиями) рынка», к которым относили рыночную власть, внешние эффекты, асимметрию информации, естественную монополию, общественные блага. Позднее к указанным причинам были добавлены институциональные факторы, связанные с необходимостью соблюдения прав собственности и обеспечения реализации санкций при их нарушении. В последнее время все чаще в качестве причин называются социальные, экономические, экологические и политические цели [Reducing regulatory barriers..., 2014]. Дебаты из сферы теории все больше направляются в практическую плоскость [Regulation and competition, 2017]. Лозунгом дня становится тезис о том, что разумное регулирование помогает рыночным силам создавать необходимые условия для процветания конкуренции. При этом подчеркивается, что, будучи используемым для поддержания конкуренции, ее регулирование может нанести ущерб конкуренции из-за плохо проработанных регулирующих правил и вследствие недостаточного учета возникающих внешних эффектов, которые выражаются в торможении развития конкуренции и обновления фирм. Поэтому в литературе обращается внимание на косвенные последствия и вопросы качества принимаемых решений. Главная задача видится в том, чтобы внедрять решения, которые способствуют эффективному функционированию рынков, не мешают развитию конкуренции и при этом налагают минимальное бремя на конкурентов и общество.

Проведенный обзор исследований свидетельствует о существенных эволюционных изменениях в понимании природы регулирования конкуренции. В этой связи можно сделать ряд важных выводов. Во-первых, признание многообразия причин, вызывающих необходимость регулирования конкуренции, несомненно, выступает важным фактором его объективизации. Во-вторых, невозможность решения проблемы на основе традиционных подходов объясняет потребность в разработке новых. В-третьих, и это самое главное, произошло, хотя и в неявном виде, осмысление противоречивости природы регулирования конкуренции, в процессе которого создаются как стимулы, так и препятствия развитию конкурентного процесса.

Как было показано, необходимость регулирования конкуренции представители научного сообщества объясняют разными причинами. Однако все они факторы внешнего порядка. Регулирование представляется чем-то насильно навязанным конкуренции, что создает уязвимость такому подходу. Самое главное — открытым остается основной вопрос: отвечает ли регулирование природе конкуренции? Два последних обстоятельства подталкивают к более широкому взгляду на проблему, тем более что и объяснительная база причин существования регулирования конкуренции заметно расширилась. Представляется, что наилучшим решением в данном случае было бы проведение политэкономического анализа, основы перехода к которому были обозначены еще Дж. Стиглером [Posner, 1974]. В его рамках наиболее плодотворным видится воспроизводственный подход, учитывая процессный ха-

ракти конкуренции. Его существенные преимущества перед другими исследовательскими программами состоят в том, что он позволяет:

- 1) проанализировать конкуренцию в динамике как изменчивый процесс, что особенно важно при определении природы явления;
- 2) установить источники происходящих изменений, что особенно важно для определения причин таких перемен;
- 3) проследить характер влияния происходящих в явлении изменений на форму их бытия, что дает возможность понять природу трансформации явлений.

При разработке подхода необходимо опираться на диалектический принцип анализа, согласно которому развитие экономических явлений есть следствие заключенных в них внутренних противоречий. В этой связи резонно задаться вопросом: что будет в случае, если регулирование конкуренции обусловлено не внешними факторами, как это показано в рассмотренных трактовках, а является следствием внутренних причин, заключенных в самой конкуренции? Именно такой взгляд на проблему и выступает рабочей гипотезой настоящего исследования.

2. Объективистская трактовка природы регулирования экономической конкуренции

Конкуренция — это процесс, содержание которого может трактоваться по-разному. Но одновременно она является и экономическим отношением, отражающим борьбу частных интересов. Для нас конкуренция прежде всего отношение, выражающееся в особом типе поведения конкурентов, направленного на ограничение возможностей соперников в достижении их целей.

На разных уровнях экономики данное отношение принимает разные формы проявления содержания конкуренции — как способ отражения общего, особенного и единичного. Каждая такая форма обладает особым содержанием, а поэтому реализует себя в виде отдельной подсистемы с присущими ей характеристиками элементной структуры. Поэтому конкуренция представляет собой совокупность подсистем [Тарануха, 2012]. В соответствии с уровнями проявления конкуренции можно выделить три подсистемы: 1) микроподсистему, где конкуренция проявляется как модель поведения, направленная на ограничение возможностей соперников, а реализует себя в виде способа достижения экономических целей; 2) мезо-подсистему, в которой конкуренция выступает как механизм взаимодействия продавцов; 3) макроподсистему, где конкуренция реализует себя в качестве принципа устройства рыночного хозяйства.

На макроуровне конкуренция идентифицирует себя как отношение, выражающее противоборство частных интересов. Поэтому в макроподсистеме содержательная сторона конкуренции состоит в уравнивании эгоистических притязаний агентов рыночного хозяйства. Соответственно предназначение подсистемы — обеспечение условий для разрешения заключенного в конкуренции противоречия: «...Каждый должен желать для себя монополии, тогда как все общество как таковое должно терять от монополии и потому должно ее устранять» [Энгельс, 1955, с. 560]. Ее задача — обеспечить реализацию этого принципа. Специфика конкуренции на

макроуровне состоит в том, что здесь борьба частных интересов проявляется не как борьба среди соперников, а как норма, определяющая ее принципы. Поэтому в макроподсистеме конкуренция представляется в виде силы, которая регулирует поведение соперников и одновременно обеспечивает воспроизводство конкурентного принципа отношений среди них. Иными словами, действие заложенного в макроподсистеме принципа сводится к установлению «правил игры», а через них и структуры стимулов, определяющих поведение конкурентов. Именно по этой причине в конкуренции следует видеть закон рыночной экономики.

Воспроизводство конкурентного принципа достигается за счет взаимодействия объективной и субъективной сторон. *Объективная сторона* макроконкуренции представлена условиями, которые обеспечивают реализацию частного интереса: общественное разделение труда и экономическое обособление хозяйственных субъектов. Диалектика состоит в том, что конкуренция, вырастая на их основе, обуславливает их трансформацию. В отношении общественного разделения труда ее действие однозначно — она способствует его углублению. Что касается хозяйственного обособления, то ее влияние носит двойственный характер. Способствуя усилению концентрации и централизации производства, конкуренция содействует преодолению обособленности производственных ячеек, но происходит это своеобразно — посредством формирования более масштабных интегрированных структур, обладающих большей степенью обособленности.

Макроконкуренция могла бы выступать статичным образованием, а не процессом, если бы обеспечивала простое воспроизводство заключенного в ней отношения. По ходу своего воспроизводства это отношение претерпевает качественные изменения. Причина таких изменений — поиск способа разрешения противоречия, заключенного в конкурентном принципе. Разрешение самого противоречия выразится в модификации содержания и формы этого принципа.

Модификация содержательной стороны макроконкуренции обусловлена эволюцией заключенного в ней противоречия [Тарануха, 2017]. Ее суть состоит в том, что реализация конкурентного принципа может обеспечиваться не только за счет противопоставления частных интересов, но и в результате компромиссов соперников на основе взаимных уступок. Первоначально соперники видят путь к достижению своих целей исключительно в бескомпромиссной борьбе, минимизируя ее издержки путем ухода на не охваченные конкуренцией территории. По мере роста экономической мощи самих соперников, а также исчерпания свободных от конкуренции территорий действие уравнивающего принципа конкуренции подсказывает конкурентам, что при эгоистическом типе поведения они могут рассчитывать только на минимальный результат, а то и вовсе стать его жертвами. В такой ситуации именно с точки зрения реализации частных интересов более предпочтительным становится взаимодействие. В этом нет даже тени альтруизма, т.е. готовности жертвовать своими интересами ради интересов других. Произошедшая перемена — это не более чем реакция на изменения условий конкурентной борьбы.

В действии конкурентного принципа появляется некоторая двойственность. Он перестает быть способом реализации обособленного частного интереса, а становится еще и способом, обеспечивающим реализацию частных интересов как их совокупности, так сказать, в консолидированной форме. Например, в конкурентном пространстве, подчиненном действию эгоистической мотивации, возникают

сегменты, где действие конкурентного принципа будет проявляться по-иному. На рынках с атомистической структурой ведется бескомпромиссная борьба. На олигополистических рынках соперники тяготеют к установлению взаимодействия, стремясь избегать прямых столкновений.

В рассмотренном случае имеет место модификация конкурентного принципа, которая вызвана к жизни фактором принуждения. Но такой фактор вряд ли способен обеспечить ее устойчивость. Поэтому подлинную причину модификации конкурентного отношения нельзя объяснить только принуждением. Но она не может быть правильно понята без учета наличия доминирования. Должен быть стимул. И он формируется в процессе самой конкуренции.

По мере сужения свободного от конкуренции пространства специализация становится определяющим источником завоевания конкурентных преимуществ. Но чем глубже специализация, тем дальше конкурент отстоит от источника потенциального вознаграждения — рынка, и тем сложнее ему в одиночку получить конкурентное превосходство.

Обретение конкурентного преимущества становится возможным не иначе как путем кооперации знаний и компетенций. Олигополистического взаимодействия, ставшего рутинным, для решения возникшей задачи уже недостаточно. Необходим переход к иному типу отношений — конкурентному партнерству. Возникает принципиально новая ситуация: реализация частных интересов требует объединения усилий соперников. Ее новизна заключается в том, что взаимодействие возникает не из опасения нежелательной реакции со стороны конкурентов и даже не из понимания преимуществ кооперации — мотивом перехода к новому типу отношений выступает осознание того, что завоевание конкурентного преимущества, а значит, и достижение частного интереса в одиночку становится невозможным. Главное отличие партнерского типа взаимоотношений от олигополистического взаимодействия заключается в его большей устойчивости. Поэтому олигополию можно назвать «слабой», а конкурентное партнерство — «сильной» формой модификации конкурентного отношения. Различие между ними состоит в степени выражения сущностных свойств конкуренции — эгоизма и хищничества. Партнерские отношения налагают большие ограничения на проявление эгоистических притязаний. Таким образом, на смену простейшей форме реализации частного интереса посредством устранения соперника приходят более сложные способы. На практике это проявляется в переходе от конкуренции Бертрана к конкуренции Курно, от олигополистического взаимодействия к созданию альянсов, а впоследствии и к конкурентному партнерству. Характерная прежде для конкурентного взаимодействия непримиримость все больше вытесняется согласованным поведением.

Методологически проблема модификации конкурентного отношения — это соотношение содержания и формы. Завершенность качественного изменения — переход количественных изменений за пределы той меры, которая сохраняет качественную определенность явления. Она выражается в смене формы существования явления. Поскольку в содержании макроконкуренции качественная перемена связана с ущемлением хаотичности в поведении соперников, постольку можно утверждать, что смена формы существования макроконкуренции связана с переходом от свободной конкуренции к регулируемой конкуренции.

Свободная конкуренция — это такая форма существования конкуренции, при которой принцип и механизм конкурентного соперничества не подвергаются воздействию субъективной стороны конкуренции — конкурентов и регулирующих органов. *Регулируемая конкуренция* представляет собой такую форму конкуренции, которая, напротив, предполагает активное влияние факторов субъективной стороны макроконкуренции на конкурентный механизм в виде применения регулирующих требований и процедур.

Суть перехода от одной формы конкуренции к другой ее форме заключается в смене характера воздействия на конкурентный механизм факторов субъективной стороны макроконкуренции. В условиях свободной конкуренции действие этих факторов является универсальным, т.е. одинаковым по отношению ко всем соперникам. При регулируемой конкуренции действие становится избирательным в зависимости от положения конкурента на рынке. Переход выступает следствием действия заключенного в конкуренции противоречия между лежащим в ее основе принципом и результатом действия этого принципа. Принцип требует равенства условий включения в конкурентную борьбу, но его действие порождает их неравенство, принимающее форму разности рыночных сил конкурентов. С того момента, как такое неравенство принимает устойчивый характер, конкурентный механизм начинает утрачивать свою способность воспроизводить конкурентный принцип.

На основании этого можно заключить: причина перехода от свободной к регулируемой конкуренции — подрыв способности конкуренции к воспроизводству собственных принципов и механизмов. Важно подчеркнуть, что она имеет исключительно внутреннюю природу, проистекая из потребности в разрешении в новых условиях заключенного в конкуренции противоречия. Поэтому можно утверждать, что регулирование конкуренции сугубо объективно — иными словами, объясняется внутренними причинами, являясь неизбежным следствием развития самой конкуренции.

Переход от свободной к регулируемой форме конкуренции не означает устранения противоречия. Он лишь свидетельствует о трансформации принципа и механизма действия конкуренции на макроуровне как неперменной части решения более общей задачи — приведения системы конкуренции в соответствие с новыми хозяйственными условиями. В этом смысле переход к регулируемой конкуренции — свидетельство эволюции конкуренции, а регулирование — форма выражения произошедших качественных изменений.

Вышесказанное относится к объективной стороне макроконкуренции, но у нее имеется и субъективная составляющая. Существуют ли у перехода к регулируемой конкуренции субъективные причины? *Субъективная сторона* макроконкуренции представлена конкурентами и институтами. Но здесь конкуренты противостоят друг другу не в образе конкретных соперников — капиталистов-предпринимателей, а обезличенно — в виде капиталов, действие которых подчинено единому принципу. Институты макроконкуренции — это формальные и неформальные правила и нормы, регулирующие конкурентное взаимодействие соперников, а также органы, обеспечивающие реализацию этих норм и правил.

Субъективная сторона макроконкуренции также эволюционировала. Это проявилось прежде всего в изменении ее места и роли в макроподсистеме. Поскольку в условиях господства свободной конкуренции влияние действующих лиц конку-

ренции на воспроизводство конкурентного принципа практически отсутствовало, то способность макроподсистемы обеспечивать воспроизводство конкурентного принципа обеспечивалась за счет обычных общеправовых норм. Иными словами, влияние факторов субъективной стороны макроподсистемы на ход конкурентного процесса было малозначимым, а сама субъективная сторона занимала подчиненное место в подсистеме.

Но именно вследствие действия свободной конкуренции формируются условия, при которых макроподсистема оказывается неспособной поддерживать воспроизводство конкурентного порядка только за счет универсальных правовых норм. Некоторые конкуренты сами превратились в «законодателей» порядка и выступили в роли значимого фактора конкуренции благодаря своей экономической мощи. Их действия вызывали искажения не только в функционировании конкурентного механизма, но и сказывались на результатах соперничества. Способность конкуренции реализовать один из важнейших своих принципов — вознаграждать лучших среди равных — оказалась под вопросом. Факторы субъективной стороны макроподсистемы конкуренции выдвинулись на передний план и начали выполнять все более заметные функции. В результате подрывалась способность макроподсистемы уравнивать эгоистические притязания соперников, что угрожало разрушением всей конкурентной системы. Произшедшая перемена была следствием процессов, заключенных в самой конкуренции, и потому не могла быть исправлена посредством функционирования конкурентного механизма, что только усугубляло проблему. Единственным способом противодействия этой тенденции могло быть только оказание внешнего влияния на конкуренцию, т. е. ее принудительное регулирование. Таким образом, переход к регулируемой конкуренции является следствием действия причин как объективного, так и субъективного порядка. В этой связи важно не то, в чьих интересах оно будет быть использовано в конкретный момент, а то, что с определенного момента развития конкурентная система уже не сможет нормально воспроизводиться без внешнего регулирования.

Заложенное в конкуренции противоречие предопределяет противоречивость и системы ее регулирования. В этом смысле показательно высказывание А. Гринспена — председателя Федеральной резервной системы США в 1987–2006 гг.: «Мир антимонопольного регулирования напоминает Страну чудес: все вроде бы есть и в то же время не есть. Это мир, в котором конкуренцию превозносят как базовую аксиому и руководящий принцип, “но слишком большую” конкуренцию порицают за безжалостность. Это мир, в котором действия, направленные на ограничение конкуренции, считают преступлением, если их предпринимают бизнесмены, и восхваляются как просвещенность, если их инициирует государство. Это мир, в котором закон столь неоднозначен, что бизнесмены никоим образом не могут узнать, будет то или иное действие объявлено незаконным до того, как услышат вердикт судьи, постфактум» [Гринспен, 2007, с. 1].

Проблема «страны чудес» легко разрешается, если мы посмотрим на нее сквозь призму противоречия, заключенного в конкуренции. Как способ реализации частного интереса, конкуренция требует свободы действий. Но такая свобода подрывает другой базовый принцип конкуренции — обеспечение равнонапряженных условий для всех соперников. На макроуровне конкурентной системы оно принимает форму противоречия между уровнем развития производительных сил и формой

производственных отношений. Последние требуют защиты частного интереса путем применения ограничительных мер против экономических субъектов, которые способны злоупотребить своими возможностями. Но так как развитие производительных сил обеспечивается как раз теми, против кого нацелено острое антимонопольного законодательства, то возникает необходимость в разумности его применения. Это противоречие появляется всякий раз, когда имеется необходимость защитить конкурентный принцип устройства хозяйственной системы и потребность создать простор для развития производительных сил общества, т. е. конкуренции. На практике оно выражается в противоречивости проводимой конкурентной и антимонопольной политики.

Противоречивой является сама целевая функция регулирования. Одна из его задач состоит в сглаживании неравенства конкурентных условий. Это может быть достигнуто только за счет элиминирования преимуществ, которыми располагают другие участники, например, путем наложения ограничений на крупные фирмы или предоставления привилегий малому бизнесу. Но перед ним стоит и противоположная задача — сохранить заключенный в конкуренции соревновательный накал посредством вознаграждения сравнительно лучшего результата. Любые ограничения в этом отношении ведут к подрыву этого накала в виде снижения интенсивности конкуренции. Суть проблемы состоит не в том, что полное или частичное освобождение кого-либо из конкурентов от соблюдения общих правил означает отступление от принципа равенства, а в том, что следование этому принципу может стать препятствием для прогрессивных изменений в хозяйственной системе. Устранить возникающее противоречие посредством регулирования конкуренции невозможно.

Существует и более значимая проблема. Конкуренция — стихийный процесс. Несогласованность действий соперников и непредсказуемость полученных ими результатов — питательная среда конкурентного процесса. Непредсказуемость результатов действий — генератор изменений, принуждающий соперников к непрерывному поиску новых решений. Но рассогласованность принимаемых ими решений оборачивается анархией производства, приводя к кризисным явлениям в хозяйственной системе. В результате регулирование конкуренции сталкивается с крайне сложной задачей. С одной стороны, оно должно поддерживать рыночную неопределенность, обеспечивая свободу действий ради развития конкуренции, а с другой — бороться с ней ради смягчения последствий безудержной конкуренции.

Противоречивость конкурентной политики может быть обусловлена и чисто субъективным элементом. Субъективная сторона макроконкуренции тем и отличается, что составляющие ее правила и нормы, равно как и действия принимающих и контролирующих их органов, несут на себе печать как субъективного восприятия происходящих процессов, так и борьбы интересов субъектов конкуренции. Так, за принятием антимонопольных законов стояло стремление защитить не только конкурентный принцип устройства экономики, но еще и интересы малого и среднего бизнеса, стремившегося оградить себя от конкуренции со стороны крупных фирм, реализовавших преимущества в эффекте масштаба. Когда в начале XX в. крупное производство стало единственно возможной формой дальнейшего экономического развития, произошло изменение не только в понимании разумности применения антимонопольных норм, но и в теоретическом обосновании

природы конкуренции, которую стали связывать не с численностью участников, а с борьбой за преимущества. Глобализация рынков потребовала применения новых «правил разумности» в виде поддержки отечественных производителей (даже при высоких показателях концентрации) при одновременном создании препятствий иностранным конкурентам. Поэтому известный тезис о том, что необходимо защищать конкуренцию, а не конкурентов, не более чем метафора. Какие бы действия ни предпринимались для защиты конкуренции, от них всегда выигрывает определенная группа конкурентов.

Ведя речь о субъективной стороне конкуренции, нельзя забывать о ее связи с объективной стороной. То, что регулирование конкуренции осуществляется при помощи разнообразных институциональных форм, — очевидный факт, и он вряд ли кем-либо будет оспариваться. Но в этом и состоит проблема — очевидность дает искаженное представление о подлинной природе явления, т. е. о тех причинах, которыми оно вызвано. Здесь конкуренция реализует присущую ей роль мистификатора экономических явлений [Маркс, 1961, с. 228]. Регулируемая конкуренция обнаруживает внешние формы своего бытия, но маскирует ту подлинную основу, на которой она возникает. Создается впечатление, что регулируемая конкуренция — результат внешнего субъективного воздействия, выражающийся в совокупности правил и норм. В действительности эта совокупность не более чем субъективная реакция на изменения, произошедшие независимо от воли субъектов, которые фиксируют их в виде норм и правил. Не правила выступают регуляторами конкуренции. Они суть внешняя форма проявления работы подлинных регуляторов — изменений в организационных формах производства, а также в степени концентрации и централизации капитала. Именно изменение материальных условий производства приводит в действие силы, которые регулируют конкурентный процесс и уже за тем проявляются в виде необходимости регулирования конкуренции извне. Дело в том, что присутствие на рынке крупных фирм само по себе регулирует конкуренцию независимо от наличия регулирующих институтов. Основанием для этого служит рыночная власть, которой они располагают. Но не та власть, которая проявляется в виде власти торговой марки, а та, которая произрастает из экономической мощи и выражается в господстве над рынком. Что касается регулирующих правил, то они только оформляют произошедшие перемены. Антимонопольное законодательство — следствие возникновения монополий, но никак не наоборот.

Что характерно, именно в процессе институционального оформления происходящих в конкуренции трансформаций проявляется ее противоречивость, заключенная в основополагающем принципе: конкуренция — мотив и способ ограничения эгоистических устремлений соперников одновременно. Поэтому призванные регулировать конкуренцию институциональные нормы изначально будут противоречивыми. Концентрация производства и возникновение монополий в корне изменили характер конкуренции в том смысле, что некоторые ее участники получили возможность оказывать серьезное влияние на ход и результат конкурентного процесса. Принцип равенства условий участия был нарушен, и это привело к замещению состязания доминированием. Конкуренция уже не могла самостоятельно выполнять свою первоочередную функцию — уравнивать эгоистические притязания. Стремление защитить конкуренцию от монополии было естественной реакцией. Но вводимое в этой связи антимонопольное законодательство на самом

деле было направлено на защиту не столько конкуренции, сколько частных интересов мелкобуржуазных слоев, тех предпринимателей, которые оказались вне монопольного сектора экономики.

Обратившись к реальной подоплеке возникновения антитрестовского законодательства, можно обнаружить, что оно обусловлено протестным поведением предпринимателей немонополистического сектора экономики, а само законодательство формировалось в качестве инструмента защиты мелкого и среднего бизнеса от конкуренции со стороны крупного капитала [ДиЛоренцо, 2007]. Поэтому антимонопольному законодательству изначально стремились придать защитную функцию, направленную против разрушительной для мелкого бизнеса монополистической конкуренции, возлагая на это законодательство те же надежды, какие ремесленники Средневековья — на цеховые правила. В этом смысле антимонопольное законодательство, несомненно, было антиконкурентным.

Обоснование необходимости регулирования деятельности монополий как инструмента поддержки конкуренции пришло значительно позже. Да и полемика в отношении места и роли монополии в экономике, которая велась среди сторонников неоклассической школы, а также между ними и неоавстрийцами, была обусловлена не стремлением оправдать или обличить монополию, а той противоречивостью, которую несет в себе процесс развития конкуренции: с одной стороны, требуя соблюдения конкурентного принципа в виде равенства условий участия, а с другой — подрывая это равенство собственным действием. Поэтому причина полемики между разными экономическими школами в отношении регулирования конкуренции заключается не столько в терминологической разногласии, как иногда полагают [Шаститко, 2008, с. 110–111], сколько в непонимании диалектики развития конкуренции как системы.

Чем бы ни объяснялись усилия, направленные против монополий, они не могут отменить той объективной закономерности развития, которая проявляется в виде концентрации производства, капитала и рынка. Поэтому борьба с монополизмом может вестись только такими методами, которые не препятствуют дальнейшему накоплению капитала и, соответственно, концентрации в сфере промышленности, финансов и торговли. Объяснений этому много — и получение выгод от положительного эффекта масштаба, и необходимость концентрации ресурсов для проведения НИОКР — и все это обуславливается потребностью в укреплении конкурентоспособности национальных компаний в условиях глобальной конкуренции. При этом преследуется одна цель — институциональное закрепление изменений, происходящих в экономической системе в целом и в конкуренции в частности. Поэтому если даже вводимые регулирующие нормы содействуют деятельности монополистического капитала, то это вовсе не означает, что они принимаются в интересах монополий. Данные нормы порождаются потребностями хозяйственной эволюции и поэтому принимаются в интересах обеспечения социально-экономического прогресса, что, конечно, не исключает возможности отступлений от этого принципа. Именно это обстоятельство позволило Й. Шумпетеру выдвинуть идею об «эффективной монополии», которая, возникшая благодаря внедрению нововведений, превращалась в фактор процесса экономического развития [Шумпетер, 1995, с. 132, 144–145]. Приводя к потерям статического благосостояния, такая монополия с лихвой компенсировала их достижениями в научно-техническом прогрессе.

Правда, открытым остался вопрос: сама монополия или конкуренция между монополиями, на что указывал В.И. Ленин [Ленин, 1969, с. 386], является источником прогресса?

Противоречивость задач, а значит, и способов институционального регулирования конкуренции возникает не только при разработке норм, регламентирующих деятельность монополий. Эта область упорядочения конкуренции представляется наиболее показательной с точки зрения выявления природы противоречия, заключенного в регулируемой конкуренции. Суть его состоит в попытке разрешения другого, более глубокого, противоречия самой природы конкуренции — между частными интересами. Любая несовместимость регулирующих норм, а также возникновение противоречия между ними всего лишь проявление борьбы между частными интересами разных групп участников конкуренции. Поэтому регулируемая конкуренция — внутренне противоречивое явление. Разрешение данного противоречия — форма движения всей макроподсистемы конкуренции¹. Форма этого движения — усиление нерыночных элементов в системе конкуренции, которые вносят упорядоченность в механизм ее действия, обуздывая присущее ей стихийное начало, и обеспечивают предсказуемость ее результатов, снижая степень неопределенности последствий конкурентных действий и повышая возможность предвидения направленности развития всего конкурентного процесса.

Такая направленность развития конкуренции объясняется не только изменениями в материальной базе производства и присутствием на рынке экономической власти. Усиление регулирующих элементов в конкуренции обусловлено и другими факторами, например, теми изменениями, которые лежат на стороне рыночного спроса. Ассортиментное разнообразие затрудняет осуществление выбора, а развитие технологий представления и продвижения продуктов оборачивается усилением асимметрии информации для покупателя. Ему становится все труднее определять подлинную ценность продукта. Как это ни парадоксально, применение в конкуренции информационных технологий только усугубляет проблему. Как обоснованно отмечает Дж. Ходжсон, адаптация — «это результат не предпочтений, а результат изменения информации и ее восприятия» [Ходжсон, 2003, с. 210]. Неслучайно информационные технологии все чаще и все более агрессивно используются не по прямому назначению — для распространения информации, а в качестве способа целенаправленного воздействия на принятие решений покупателями посредством создания символической ценности и символов потребительского поведения. В такой ситуации стандартные меры защиты прав потребителей оказываются не только недостаточными, но и неработоспособными. Требуются дополнительные регулирующие нормы, включающие введение технических и потребительских стандартов, а также методов и объемов рекламы.

---

¹ «В современной экономической жизни вы найдете не только конкуренцию и монополию, но также и их синтез, являющийся не формулой, а движением. Монополия рождает конкуренцию, конкуренция рождает монополию. И, однако, это уравнение, не устраняя трудностей современного положения, как это воображают буржуазные экономисты, создает в результате еще более трудное и еще более запутанное положение. Таким образом, изменяя основу, на которой покоятся современные экономические отношения, уничтожая современный способ производства, вы уничтожаете не только конкуренцию, монополию и их антагонизм, но также и их единство, их синтез — движение, в котором и происходит действительное уравнивание конкуренции и монополии» [Маркс, 1962, с. 407–408].

Еще одной и, возможно, наиболее значимой причиной усиления регулирующей составляющей в конкуренции являются изменения в характере и масштабе последствий, вызываемых конкуренцией. Непременным ее спутником является разрушение, причем отнюдь не только созидательное, как это виделось Й. Шумпетеру. Неизбежное для конкурентной борьбы уничтожение отдельных ее участников не только вымывание неэффективных звеньев экономики, но и одновременно уничтожение части общественного богатства. Главное состоит в том, что это приводит к разрыву сложившихся цепочек хозяйственных связей, в результате чего нарушается весь ход воспроизводственного процесса, а значит, снижаются темпы экономического роста. Разрушительная сила этих последствий нарастает пропорционально расширению сферы действия конкурентных принципов по мере того, как все большая часть хозяйствующих субъектов оказывается вовлеченной в единую систему конкуренции и механизм конкурентных принципов захватывает новые, ранее не задействованные, области деятельности, науку, образование, сферу социальных услуг.

Финансовый кризис 2008 г. является прямым тому подтверждением². Но суть вопроса — не в масштабе, а в неспособности конкуренции обеспечить выход из такого кризиса за счет внутренних механизмов. Неслучайно в Декларации саммита лидеров 20 крупнейших экономик мира (Declaration Summit On Financial Markets And the World Economy), принятой 15 ноября 2008 г. в Вашингтоне, основной причиной финансового кризиса названо отсутствие должного регулирования, а главным направлением выхода из кризиса — необходимость усовершенствования регулирования, осуществляемого скоординированно всеми странами³. Даже Дж. Сорос, активнейший участник финансовых спекуляций, призывает к усилению регулирования финансовых рынков: «Процесс быстрого роста [финансовых рынков] вышел из-под контроля, когда новые финансовые инструменты стали настолько сложными, что государственные власти оказались не в состоянии адекватно оценивать степень их рискованности, тогда они просто начали полагаться на методы оценки, предлагаемые самими банками. Проще говоря, рейтинговые агент-

---

² При всем множестве и разнообразии выделения причин этого кризиса не обращается внимание на то, что его подлинная основа, т. е. первопричина, заключается в конкуренции, развернувшейся в сфере финансового капитала. Применение и распространение на финансовом рынке фиктивных производных финансовых инструментов (деривативов) было лишь следствием обострения конкуренции, лишившей его участников возможности извлечения прибыли привычными способами.

³ «В существовавших ранее в текущем десятилетии условиях быстрого глобального роста, увеличивавшихся потоков капитала и длительной стабильности участники рынка, стремясь к получению высоких прибылей, не учитывали должным образом имеющихся рисков и действовали без надлежащего предварительного анализа. В то же время такие факторы, как слабые нормы в отношении гарантий, непродуманные методы управления рисками, растущая сложность и непрозрачность финансовых продуктов и вытекающее из этого чрезмерное использование кредитов для биржевой игры, в своей совокупности привели к появлению в этой системе уязвимых мест. Политики, а также регулирующие и контрольные инстанции в ряде развитых стран должным образом не учитывали и не боролись с нарастающими рисками на финансовых рынках, не шли в ногу с финансовыми инновациями и не принимали во внимание системных последствий мер регулирования, осуществляемых на национальном уровне» (Declaration Summit On Financial Markets And the World Economy. November. 15, 2008). URL: http://www.g20.org/Documents/g20_summit_declaration.pdf (дата обращения: 22.09.2018).

ства использовали информацию, предоставляемую инициаторами создания деривативов. Это был беспрецедентный отказ от всякой ответственности» [Soros, 2008].

Выявляется и ряд других недостатков свободной конкуренции. Оказывается, что система стихийной конкуренции не лучшая среда для генерации и распространения нового знания, как полагал Ф.Хайек. В современной экономике осуществление активных НИОКР и долгосрочных инвестиций с целью проведения структурных изменений по большей части реализуется не посредством конкурентного механизма, а через институты, финансируемые правительствами [Nelson, 1981]. При таком характере взаимосвязей и взаимозависимостей ограничиться только установлением конкурентного порядка уже нельзя. Здесь возникает необходимость именно в упорядоченности системы конкуренции, т. е. в такой ее организации, которая позволит:

- во-первых, ограничивать степень витальности и масштаб последствий конкурентной борьбы;
- во-вторых, оказывать влияние на выбор решений, принимаемых конкурентами;
- в-третьих, своевременно пресекать нежелательные тенденции в развитии конкуренции, направляя их в нужное русло;
- в-четвертых, предвидеть долгосрочные результаты конкурентного процесса.

Именно такими характеристиками должна обладать регулируемая конкуренция. При этом можно утверждать, что укрепление в ней этих черт будет происходить по мере усиления взаимозависимостей в цепочках производственных и хозяйственных связей. То, что конкурентный процесс может подпитываться за счет возникновения новых рыночных ниш и видов фирм, как это предполагается в концепции Пенроуз—Беста [Бест, 2002], принципиально ничего не меняет, так как может объяснить сохранение напряженности конкурентной борьбы на рынке, но не отрицает общей тенденции к усилению регулирования. Напротив, возрастающая взаимозависимость между специализированными фирмами порождает необходимость в большей координации, а значит, потребует и большей упорядоченности. Одним словом, при том состоянии регулирующего воздействия на конкуренцию, которое присутствует сегодня в любой индустриально развитой стране, вопрос о свободной конкуренции ставиться не может.

В процессе глобализации экономики, а значит, и конкуренции тенденция к усилению регулирующей составляющей в конкуренции усиливается. Макроподсистема дополняется элементами, которые являются логическим продолжением уже сложившихся в ней тенденций. Национальные институты регулирования дополняются международными регуляторами. Это не только Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ). Все более заметное влияние на формирование конкурентных условий стали оказывать экологические и гуманитарные организации. Все шире применяются институциональные методы регулирования конкуренции, например, стандарты, регламентирующие требования к качеству продукции или к охране окружающей среды, которые фактически опосредуют вступление в конкурентную борьбу, так как отсутствие соответствующей сертификации становится препятствием для продажи продуктов на мировых рынках.

В условиях глобализации противоречие, присущее регулированию конкуренции, выходит на более высокий уровень и приобретает новые формы проявления. Одно из противоречий выражается в противостоянии требований свободы конкуренции на мировых рынках и тенденций к защите национальных рынков. Подобно тому как в условиях свободной конкуренции каждый конкурент требовал конкуренции для соперников, но монополии для себя, в условиях глобальной экономики ее участники выступают за свободу конкуренции на рынках чужих стран, ограничивая при этом доступ иностранцев к собственным рынкам. Другое противоречие глобальной конкуренции принимает форму антогонизма между транснациональным монополистическим капиталом, ориентирующимся на глобальную деятельность, и государством, стремящимся обеспечить условия для выполнения своих социальных обязательств. Политика президента США Д. Трампа — прямое отражение наличия такого противоречия.

Активное вмешательство государства в конкурентный процесс модифицирует его ход. Но это не означает, что конкуренция изменила свою природу и работает в интересах общества, превращаясь в механизм обеспечения «гармонизированного роста» и перехода к «всеобщей экономике», где своекорыстие сменяется благородством предпринимателей, как это виделось сторонникам дирижизма [Perroux, 1991]. Конкуренция — механизм реализации частного интереса, поэтому работать во имя общества он не может (что не мешает обществу использовать его потенциал для решения определенных задач). Конкуренция не перестает быть «анархической системой» принятия решений, приводящей к «безмерному расточению общественных средств производства и рабочей силы» [Маркс, 1960, с. 539], так как дополняется новыми, более глубокими противоречиями.

3. Эволюция конкурентного отношения и переход к соревновательной конкуренции

В конце XX в. одновременно с отмеченными процессами в регулировании конкурентных отношений появляется качественно новый элемент. Помимо мер внешнего воздействия, формируется тенденция к регулированию конкуренции на основе самоорганизации, выступающей способом добровольного ограничения интенсивности конкурентного соперничества. Хотя данный способ демонстрирует явно выраженную тенденцию перехода к использованию кооперативных форм взаимодействия между соперниками, он принципиально отличается от вертикальной и горизонтальной интеграции, широко применявшихся в рамках монополистической стадии конкуренции в качестве способа ее регулирования. Он состоит не в переходе к нерыночным способам координации, где ценовой механизм замещается административными процедурами и внутрипроизводственной кооперацией, а предполагает сохранение, хотя и в модифицированном виде, этого механизма и даже соперничества между вступающими в кооперацию участниками. Отличительная особенность нового способа взаимодействия состоит в явно прослеживающейся склонности к замене витального типа соперничества соревновательным. Поскольку данная перемена является выражением модификации принципа и механизма реализации конкурентных отношений, то имеются достаточные основания для выделения этого типа конкурентного отношения в качестве особой формы

существования макроконкуренции. Учитывая, что ее содержательная сторона состоит в переходе к соревновательному типу соперничества, сама форма может быть определена как «соревновательная конкуренция».

Причина возникновения новой формы макроконкуренции — модификация конкурентного отношения, выразившаяся в переходе участников конкурентного процесса к конкурентному партнерству [Тарануха, 2012; 2017]. Этот переход преследует те же цели, что и другие способы реализации конкурентного отношения, — обеспечение конкурентной устойчивости посредством завоевания конкурентных преимуществ. Новизна ситуации заключается в изменении способа ее достижения. Раньше такая задача решалась за счет оптимизации технологических цепочек путем применения разнообразных форм интеграции. В современных условиях определяющим фактором создания конкурентного преимущества становится оптимизация цепочки создания ценности, которая формируется за счет интеграции рассеянных знаний и компетенций. Специфика состоит в том, что знания и компетенции превращаются в столь специализированные ресурсы, что становятся не отчуждаемыми от своих владельцев. Иначе говоря, они не могут быть куплены на рынке. По этой же причине их интеграция привычным способом через включение в рамки организационной структуры экономически невыгодна, так как порождает высокий риск проявления экономического оппортунизма. Возникает необходимость в таком способе взаимодействия владельцев специфических ресурсов, который опирается не на принуждение к сотрудничеству, а на заинтересованность в нем.

Однако не стремление к кооперативному поведению формирует базу для возникновения конкурентного партнерства. На самом деле за этим скрывается более глубокий процесс — развитие обмена, которое выражается в переходе от обмена результатами деятельности к обмену деятельностью на базе производственной специализации. Фактически речь идет о становлении новой тенденции в механизме связи производителей, обратной той, которая господствовала ранее, — усиление обособленности хозяйствующих субъектов. Содержательная сторона новой тенденции заключается в том, что взаимодействие участников образовавшегося экономического сообщества опирается на отказ участников от части своих прав и добровольное делегирование их части сообществу. Цель такого трансферта прав — оптимизация комбинирования и использования производственных ресурсов (в первую очередь компетенций), а его форма — отсутствие юридического оформления передачи прав собственности [Шерешева, 2007]. Выступая формально (юридически) в качестве независимых продавцов и покупателей, в действительности все они осознают себя ячейками единой хозяйственной сети. Такое сообщество представляет собой квазиинтеграцию, которая предполагает координацию инвестиционных потоков, а также активный обмен научно-технической и производственной информацией, но при сохранении ценового механизма в качестве способа оценки вклада каждого члена в совокупную цепочку ценности. Ощущая себя частями целого, члены квазиинтеграции вступают в неформальные отношения, которые, с одной стороны, предполагают оказание содействия и поддержки, а с другой — допускают прощение определенных нарушений в поведении. Поведение каждого члена такого сообщества становится частью социального действия, а соперничество между ними из чисто экономического взаимодействия трансформируется в социально-экономический процесс. Поэтому, ведя речь о социальной

составляющей конкуренции, следует учитывать, что она, во-первых, выступает следствием развития экономического отношения и, во-вторых, проявляется только на определенном этапе развития конкуренции в рамках одной из ее форм. Суть перемены сводится к возникновению новых видов входных барьеров для соперников, которые должны: 1) располагать необходимыми качествами, чтобы быть принятым в сообщество; 2) обладать умением налаживать партнерские отношения.

В этой связи уместно вернуться к вопросу о природе отношений, возникающих между членами сообщества. Формально вступление в сообщество является добровольным, но в действительности стремление к сотрудничеству обусловлено потребностью в восполнении недостающих компетенций за счет объединения, что укрепит конкурентоспособность каждого участника и всего объединения. Поэтому, строго говоря, их сотрудничество имеет принудительный характер со стороны конкуренции. Если его рассматривать сквозь призму власти, то необходимо отметить, что мотивация к сотрудничеству и возникновение опирающихся на него сообществ — это непосредственные следствия власти рыночной конкуренции.

Любое сообщество нуждается в центре притяжения. В нашем случае им выступает доминирующая компетенция и, соответственно, обладающая ею фирма. Поэтому взаимоотношения между членами сообщества будут характеризоваться отношениями не равенства, а подчинения. Склонность фирм следовать правилам будет находиться в прямой зависимости от ценности для сообщества компетенции, которой они располагают. Это служит дополнительным аргументом, подтверждающим ошибочность сведения природы конкуренции к борьбе за редкое благо. В такой борьбе сотрудничество возникнуть не может. Но возможность сотрудничества между соперниками становится вполне допустимой, если понимать конкуренцию как взаимно ограничивающую связь. В данном случае вступление в сотрудничество соперничающих между собой частных интересов по своему содержанию равнозначно принципу: свобода есть осознанная необходимость. В этом смысле конкурентное партнерство становится формой разрешения выделенного М. Бестом парадокса конкуренции: интенсивная борьба среди данной совокупности фирм приводит к ослаблению их общей конкурентоспособности в отношении третьих лиц [Бест, 2002, с. 30].

Неравенство, возникающее вследствие разной степени ценностной значимости членов для сообщества, является той базой, на которой зиждется соперничество среди них. Представить ценностную равнозначность компетенций у всех участников практически невозможно, поэтому следует признать, что соперничество — неотъемлемая составная часть отношений любой формы конкурентного партнерства. Это партнерство «враждующих братьев», объединяющих свои усилия против третьих лиц, но борющихся между собой за свой собственный интерес. В нашем случае соперничество ведется за доминирование в партнерстве. Оно может происходить в форме борьбы за лидерство в сфере принятия решений, касающихся стимулов и контроля поведения членов, укрепления целостности и направленности развития сообщества. Такое соперничество не может быть названо кооперативным, так как сотрудничество, а точнее, партнерство играет в нем подчиненную роль. Следовательно, и называть такую форму конкуренции кооперативной конкуренцией также будет неверно. Отличительная черта данного типа соперничества, отражающая его содержательную специфику, состоит в изменении

характера отбора. Выражаясь словами М. Вебера, «на смену естественному отбору, который связан с уничтожением соперников, приходит социальный отбор, ограничивающийся их перепозиционированием» [Weber, 1968, p. 38]. Иными словами, речь идет о соперничестве, которое ограничивается соревновательностью, что позволяет определять данный тип отношений как соревновательную конкуренцию. Правда, если взглянуть на присущий ей процесс отбора глубже, то следовало бы говорить о регулируемом отборе. Дело в том, что соревновательный механизм конкурентного партнерства обеспечивает не только перепозиционирование среди его участников в зависимости от внесенного вклада, но и освобождение от тех из них, которые оказываются неспособными привносить дополняющие компетенции и становятся бесполезными для сообщества. Обобщив сказанное, можем дать следующее определение данной форме существования конкуренции.

Соревновательная конкуренция — это форма соперничества, которое ведется на основе добровольного ограничения эгоистических притязаний и установления партнерских отношений между соперниками ради повышения совместной конкурентоспособности. Здесь механизм соперничества нацелен не на подрыв способностей соперников, а на состязание за занятие в сообществе лучшей позиции — так сказать, на борьбу за «место под солнцем». По сути, соревновательная конкуренция — это особый вид регулируемой конкуренции, более зрелая ее форма, обладающая рядом качественных особенностей. Во-первых, у нее иная природа регулирования: добровольность вместо принудительности. Во-вторых, она решает другие задачи: не ограничение возможностей соревнующихся, а подчинение их поведения общей цели при сохранении стимулов для самосовершенствования. В-третьих, ее действие опирается на иные механизмы: на смену стихийному способу координации деятельности приходит сознательное регулирование, а оценка вклада каждого участника производится не только на основе ценовых показателей.

Возникающая гибридная форма регулирования, сочетающая в себе «план и рынок», характеризует соревновательную конкуренцию как переходную форму способа взаимодействия экономических агентов в том смысле, что она сочетает в себе элементы трансформации отношений соперничества в отношения подлинного сотрудничества, лишённого эгоистического интереса. При этом она наглядно показывает, что конкурентное отношение, выраженное в противопоставлении интересов, не является единственным и универсальным принципом взаимодействия экономических субъектов.

В настоящее время существует несколько организационных форм, применяющих принципы соревновательной конкуренции. Первичная, наименее развитая, форма ее проявления — стратегические альянсы, где принципы соревновательной конкуренции применяются весьма ограниченно, а их действие является неустойчивым (временным). Более развитая форма — это так называемые предпринимательские экосистемы, в той части, где они представляют собой взаимодействие взаимозависимых хозяйствующих агентов. На сегодняшний день наиболее развитой формой проявления соревновательной конкуренции стала индустриальная сеть, выступающая в виде достаточно устойчивой технологической кооперации, опирающейся на внутрипроизводственную специализацию ресурсов и компетенций.

В данном случае особенно важно понимать, что речь идет о новом типе отношения. И хотя по форме оно представляется альтернативой интеграционной форме

организации производства, за ним стоит не проблема трансакционных издержек. Природа данного отношения глубже и вытекает из необходимости перехода к более тесной кооперации, которая обусловлена переходом к новому этапу развития обмена, где его объектом становится специализированная деятельность, обеспечивающая реализацию специфических знаний и компетенций. То, что эта форма взаимодействия сочетает в себе возможность сокращения трансакционных издержек при недопущении роста управленческих издержек, свидетельствует об объективном характере происходящих изменений, выражающемся в виде действия закона снижения издержек. В соревновательной конкуренции уравнивающий принцип проявляется уже в виде не неподвластной участникам стихийной силы, а тех требований, которые задаются участникам в явной форме. При этом его регулирующее воздействие осуществляется не *ex post* — на стадии выполненных решений, а *ex ante* — при принятии решений. В результате регулирование экономических пропорций принимает форму планирования, которое отличается от внутрифирменного планирования наличием экономических стимулов, обладающих более сильным воздействием. Как первое, так и второе проявляется, естественно, только в рамках действия соревновательной конкуренции, в то время как в макроподсистеме в целом продолжает сохраняться общий конкурентный принцип. Макроподсистема вступает в новый этап своего развития, характеризующийся углублением ее внутренней противоречивости. Прежде она выражалась в несоответствии между необходимостью обеспечения принципа равенства участия в конкурентной борьбе и невозможностью реализации этого принципа в условиях монополизации производства. Теперь это противоречие дополняется еще и соперничеством между разными формами реализации конкурентного принципа. Наряду с действием общего конкурентного принципа, в макроподсистеме возникают зоны, где соперничество ведется в модифицированной форме — на основе норм поведения, существенно отличающихся от стандартного принципа.

Процесс становления соревновательной конкуренции вряд ли будет идти линейно. Однако общий тренд развития макроподсистемы конкуренции будет характеризоваться расширением сферы ее действия. С этих позиций соревновательная конкуренция должна рассматриваться в качестве переходной формы к общественному устройству, где «соревнование... будет ограничено присущей ему своеобразной и разумной сферой» [Энгельс, 1955, с. 562]. Само собой разумеется, с переходом к соревновательной конкуренции возможности для реализации эгоистических интересов будут ограничиваться, сводясь в конечном счете на нет. Характер конкурентных отношений постепенно, но неуклонно будет трансформироваться в соревновательный, который лишен витальной предопределенности, присущей конкуренции. Функционирующие в современной экономике индустриальные сети наглядно демонстрируют то, как это может реализоваться. Возникает естественный вопрос: нет ли противоречия в том, что конкуренция, распространяясь и проникая все глубже в поры хозяйственной жизни, вытесняет те принципы, на которые она опирается? Да, такое противоречие существует. Но именно его наличие и отражает процесс развития конкуренции как открытой системы, где накопление количественных изменений приводит к качественным переменам в явлении, а затем и к качественной трансформации явления — к его отмиранию.

Заключение

Как системное явление конкуренция представляет собой совокупность подсистем, каждая из которых выступает формой реализации конкурентного отношения на разных уровнях экономики. На микроуровне конкуренция служит способом достижения соперниками своих экономических целей, на мезоуровне она реализует себя как механизм связи между ними, а на макроуровне — в качестве принципа организации взаимодействия рыночных субъектов.

Проведенный анализ показывает, что конкуренция — эволюционирующее явление. Процесс трансформации охватывает как ее содержание, так и формы существования. При этом установлено, что подлинной причиной ее трансформационных изменений является внутреннее противоречие, заключенное в самой конкуренции. В макроподсистеме конкуренции оно выражается в виде противоречия между базисным принципом конкуренции, требующим для всех соперников равно напряженных условий участия в конкурентной борьбе, и результатом действия этого принципа, который проявляется в создании неравенства этих условий. Последствия разрешения этого противоречия отражаются в разных формах существования макроконкуренции. На первоначальном этапе развития конкуренции, в условиях отсутствия воздействия отдельных соперников на общие конкурентные условия, конкурентное отношение принимает форму свободной конкуренции, где указанное противоречие разрешается посредством действия стихийных рыночных сил при фоновом присутствии субъективного воздействия на конкурентный процесс.

Динамическая закономерность развития конкуренции такова, что результатом свободной конкуренции становится такое обострение означенного противоречия, что его разрешение за счет внутренних сил самого рынка становится невозможным. Возникает потребность в активном внешнем вмешательстве в систему конкурентных отношений с целью выравнивания условий участия в конкурентной борьбе. Это знаменует переход к регулируемой конкуренции. При этом смысл ее регулирования заключается не в том, что она подвергается каким-то воздействиям, что имело место и прежде, а в том, что в этом воздействии превалирует внешняя — субъективная — сила.

Подобно тому как макроконкуренция имеет объективную и субъективную стороны, переход к регулированию конкуренции обусловлен объективной и субъективной причинами. Объективная причина вызвана потребностью в обеспечении воспроизводства конкурентного принципа устройства рыночной экономики. Это связано с необходимостью, во-первых, создания условий для реализации частного интереса и, во-вторых, поддержания равнозначной напряженности условий соперничества. Субъективная причина определяется вмешательством заинтересованных сторон и связана с защитой интересов отдельных групп соперников. Возникающая при этом противоречивость обуславливает противоречивость системы регулирования конкуренции.

Регулируемая конкуренция отличается наличием внешнего, субъективного элемента, при этом ее содержательная часть реализуется посредством разных по природе способов. В данной связи в статье выделяются внутренний и внешний механизмы регулирования. Оба механизма нацелены на поддержание устойчивости работы макроподсистемы, однако они имеют разные принципы действия. Внеш-

ний механизм регулирования конкуренции основан на запретительно-стимулирующем принципе; его действие выражено в антимонопольной и конкурентной политике. Внутренний механизм регулирования конкуренции базируется на принципе саморегуляции; наиболее распространенный способ его действия — олигополистическое взаимодействие. Однако распространение стратегических альянсов и укоренение индустриальных сетей указывают на формирование нового типа конкурентной координации, которую в данной статье предлагается определять как соревновательную конкуренцию. Именно она, по нашему мнению, в будущем станет господствующей формой регулирования конкуренции, дополняя существующие формы.

Новая, пока только образующаяся, форма регулирования конкуренции отражает процесс качественных изменений в самой конкуренции — в ее содержании и механизме действия, что, естественно, приведет к определенным трансформациям и в функционировании внешней формы регулирования конкуренции. Это ставит задачу исследования вопросов влияния индустриальной интеграции и кооперации не только на конкуренцию, но и на проблему антимонопольной и конкурентной политики. Параллельно с этим на повестку дня выдвигается вопрос о принципах и методах регулирования глобальной конкуренции. Решения и подходы, представленные в настоящей статье, позволяют глубже понять причины и закономерности изменений, происходящих в сфере конкуренции, и выработать адекватные меры реагирования на них. Кроме того, выдвигается проблема разработки конкурентной политики, которая отвечала бы новым тенденциям развития производства и конкуренции.

На первый взгляд, проведенный анализ и связанные с ним результаты — предмет исключительно теоретической сферы человеческой деятельности. В действительности авторская позиция имеет существенную практическую значимость. Теоретический вывод о том, что переход к регулированию конкуренции является непосредственным следствием ее эволюции, обусловленной разрешением внутренних противоречий конкуренции, превращается в инструмент практической деятельности по целому ряду причин.

Во-первых, понимание воспроизводственной природы регулирования конкуренции указывает на необходимость строгого соблюдения субординации в отношении конкурентного процесса и его регулирования, в котором первому отводится роль ведомого. Для российской практики совершенствования антимонопольного законодательства это должно служить краеугольным принципом формирования всей системы регулирования, указывающим на то, что выбор форм, методов и инструментов должен опираться не на лучшие и передовые практики, а на уровень зрелости конкурентных отношений в национальной экономике.

Во-вторых, представленный в статье подход позволяет не просто глубже понять причины и закономерности изменений, происходящих в сфере конкуренции, но и указывает на целевые ориентиры адекватной конкурентной политики. В условиях распространения межфирменной кооперации и индустриальных сетей такая политика должна нести в себе следующую триаду: 1) не противопоставлять рыночные и плановые способы координации; 2) нацеливать конкурентов на непрерывный поиск более совершенных способов производства; 3) содействовать конкурентам, обладающим организационным превосходством.

В-третьих, указанный подход дает практический совет относительно формирования конкурентной политики в условиях глобализации конкуренции. Работающая в интересах финансового капитала глобальная конкуренция вступает в противоречие с социальными функциями современного буржуазного государства. Это противоречие находит свое выражение в конкурентной политике, которая, обеспечивая преимущества для отечественных производителей, создавала барьеры для иностранных конкурентов [Пахомова, 2008, с. 9]. Такую задачу, в частности, преследует пятый антимонопольный пакет, представленный Федеральной антимонопольной службой РФ российскому правительству на утверждение.

Литература

- Арментано Д. Т. (2005) *Антитраст против конкуренции*. М.: Альпина Бизнес Букс. 432 с.
- Бест М. (2002) *Новая конкуренция. Институты промышленного развития*. М.: ТЕИС. 366 с.
- Всемирная история экономической мысли* (1997) В 6 т. Под ред. В. Н. Черковца. Т. 6. Кн. 1. М.: Мысль. 782 с.
- Гринспен А. (2007) Антимонопольное регулирование. *Экономическая политика*. Вып. 3. С. 1–7.
- ДиЛоренцо Т. (2007) Происхождение антимонопольного регулирования: риторика и реальность. *Экономическая политика*. Вып. 3. С. 60–71.
- Кизилов В. В., Новиков В. В. К вопросу о необходимости отмены антимонопольного законодательства. URL: <http://www.prompolit.ru/files/477200/kizilov-novikov-at.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
- Кузнецов В. (1979) Кризис системы регулирования капиталистической экономики. *Мировая экономика и международные отношения*. № 8. С. 66–81.
- Ленин В. И. (1969) *Империализм как высшая стадия капитализма*. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 27. М.: Политиздат. 644 с.
- Маркс К. (1960) *Капитал*. Т. I. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат. 907 с.
- Маркс К. (1961) *Капитал*. Т. III. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. М.: Госполитиздат. 545 с.
- Маркс К. (1962) *Письмо Анненкову, 28 декабря 1846 г.* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 27. М.: Госполитиздат. 695 с.
- Меньшиков С. М. (1979) *Инфляция и кризис регулирования экономики*. М.: Мысль. 367 с.
- Меньшиков С. М. (1981) *Современный капитализм: от кризиса к кризису*. М.: Мысль. 240 с.
- Новиков В. (2003) Влияние российского антимонопольного законодательства на экономическое развитие. *Вопросы экономики*. Вып. 9. С. 33–48.
- Осадчая И. М., Заикина В. И., Хрусталева Н. И. (1980) *Государственно-монополистическое регулирование капиталистической экономики*. М.: Знание. 64 с.
- Пахомова Н. В. Современная конкурентная политика: теоретический анализ и опыт реализации. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика*. 2008. Вып. 2. С. 3–24.
- Политическая экономия*. (1955) Учебник. Под ред. К. В. Островитянова. М.: Госполитиздат. 640 с.
- Политическая экономия современного монополистического капитализма*. (1975) Под ред. Н. Н. Иноземцева, В. А. Мартынова, А. Г. Милейковского. В 2 т. 2-е изд. М.: Мысль. 864 с.
- Ревенко Л. С. Мировые товарные рынки: тенденции XXI века. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5*. 2015. Вып. 3. С. 27–45.
- Тамбовцев В. Л. *Теория государственного регулирования экономики*. Учебное пособие. М.: Проспект, 2016. 155 с.
- Тарануха Ю. В. (2012) *Конкуренция: система и процесс*. М.: Дело и сервис. 672 с.
- Тарануха Ю. (2017) Модификация конкурентного принципа в процессе эволюции конкуренции. *Общество и экономика*. № 3–4. С. 49–67.
- США: государственно-монополистическое регулирование воспроизводства общественного капитала*. (1972) Под ред. С. И. Тюльпанова и С. И. Иванова. Л.: Изд-во ЛГУ. 238 с.
- Ходжсон Дж. (2003) *Экономическая теория и институты*. М.: Дело. 464 с.
- Хайек Ф. А. (2001) *Индивидуализм и экономический порядок*. М.: Изобраз. 256 с.
- Шастико А. Е. (2008) Конкуренция и антимонопольная политика в неоавстрийской теории. *Экономическая школа: Аналитическое приложение*. Альманах. Т. 6. С. 81–113.

- Шерешева М. Ю. (2007) *Межорганизационные сети в системе функционирования современных отраслевых рынков*. Дис. ... д-ра экон. наук. МГУ им. М. В. Ломоносова. М.
- Шумпетер Й. (1995) *Капитализм, социализм и демократия*. М.: Экономика. 540 с.
- Экономические законы современного капитализма: противоречивый механизм действия*. (1988). Под ред. А. А. Демина и Н. В. Раскова. Л.: Изд-во ЛГУ. 232 с.
- Энгельс Ф. (1955) *Наброски к критике политической экономии*. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат. 698 с.
- Buccirosi P., Ciari L., Duso T., Spagnolo G., Vitale C. (2011) Competition Policy and Productivity Growth: An Empirical Assessment. *Düsseldorf Institute for Competition Economics. DICE Discussion Paper*. No. 22. URL: http://www.dice.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Wirtschaftswissenschaftliche_Fakultaet/DICE/Discussion_Paper/022_Buccirosi_Ciari_Duso_Spagnolo_Vitale_2.pdf (дата обращения: 20.12.2018).
- Coscelli A. (2018) *Regulation and competition enforcement — a combined approach*. Chief Executive of the CMA delivers the keynote speech to the annual Fordham Competition Law Institute conference in the USA. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/fordham-competition-law-institute-annual-conference-2018-keynote-speech> (дата обращения: 18.12.2018).
- Declaration Summit On Financial Markets And the World Economy*. November. 15, (2008) URL: http://www.g20.org/Documents/g20_summit_declaration.pdf (дата обращения: 18.12.2018).
- DiLorenzo T. (1996) The myth of natural monopoly. *The Review of Austrian Economics*, vol. 9, iss. 2, pp. 43–58.
- Hertog den J. (1999) General theories of regulation. Utrecht University. URL: <https://majandus.ut.ee/sites/default/files/mtk/dokumendid/e35f555bc5922cc21262fabac7de2fc.pdf> (дата обращения: 18.12.2018).
- Hertog den J. (2003) *Public and private interests in regulation. Essays in the Law & Economics of Regulation*. URL: <https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/724/full.pdf> (дата обращения: 12.12.2018).
- Nelson R. R. (1981) Research of productivity Growth and Productivity Differences: Dead Ends and New Departures. *Journal of economic literature*, vol. 19, iss. 3, pp. 1029–1064.
- Peltzman S. (1976) Toward a more general theory of regulation. *Journal of Law and Economics*, vol. 19, pp. 211–240.
- Perroux F. (1991) *L'économie du XX siècle: ouvrage et articles*. Presses Universitaires de Grenoble, 1991. 814 p.
- Posner R. A. (1974) Theories of Economic Regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 5, iss. 2, pp. 335–358.
- Reducing regulatory barriers to competition*. (2014) Progress since 2008 and scope for further reform. Going for Growth Interim Report. Ch. 2. Paris: OECD Publishing. P. 65–89.
- Regulation and competition*. (2017) Reports by the Swedish Agency for Economic and Regional Growth. Report 0218. Stockholm. URL: <https://www.publikationer.tillvaxtverket.se> (дата обращения: 12.12.2018).
- Review of Economic Theories of Regulation*. (2010) Discussion Paper Series 10–18. Tjalling C. Koopmans Research Institute. Utrecht. URL: https://www.uu.nl/sites/default/files/rebo_use_dp_2010_10-18.pdf (дата обращения: 18.12.2018).
- Soros G. (2008) The worst market crisis in 60 years. *Financial Times*. 22 January.
- Stigler G. J. (1971) The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economic and Management Science*, no. 2, pp. 3–21.
- Weber M. (1968) *Basic Sociological Terms. Economy and Society*. Vol. 2. Berkeley, University of California Press. 62 p.
- Regulation and competition enforcement — a combined approach*. Andrea Coscelli, Chief Executive of the CMA delivers the keynote speech to the annual Fordham Competition Law Institute conference in the USA. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/fordham-competition-law-institute-annual-conference-2018-keynote-speech> (дата обращения: 18.12.2018).

Статья поступила в редакцию 22.12.2018
Статья рекомендована в печать 17.05.2019

Контактная информация:

Тарануха Юрий Васильевич — д-р экон. наук; yu.taranukha@mail.ru

Toward a Nature of Competition Regulation

Yu. V. Taranukha

Lomonosov Moscow State University,
Russian Federation, 199991, Moscow, Leninskie gory, 1

For citation: Taranukha, Yu. V. (2019) Toward a Nature of Competition Regulation. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, vol. 35, issue 3, pp. 330–359.
<https://doi.org/10.21638/spbu05.2019.302> (In Russian)

The article examines the nature of competition regulation. Using the reproduction approach, the author reveals the internal nature of reasons for regulating competition, which is caused by inconsistencies in relationships within competition itself. Regulation of competition is the inevitable result of its developmental process: the transition from free to regulated competition results from the resolution of contradictions inherent in competition. Strengthening the regulatory components of competition is an evolutionary pattern, caused by the growth of integration processes in the economy, and by the intensification of the destructive effects of competition. Specific attention is paid to the evolution of the regulatory component of competition and forms of its manifestation. The author shows that the content of a competitive attitude is transformed in towards changing the principle of competitive rivalry, as expressed in the transition from an uncompromising struggle to its competitive forms that do not imply a vital outcome of the struggle. As a result, regulating competition becomes increasingly susceptible to internal factors. Therefore, in parallel with strengthening external measures of influence, there is an increasing trend towards self-regulation. The author interprets this as the basis for the transition to a new form of competition in the future — competitive competition, which is a form of rivalry based on voluntary restriction of egoistic claims and establishing partnerships between rivals for the sake of enhancing joint competitiveness.

Keywords: competition, forms of competition, competition regulation, competition policy, antitrust policy.

References

- Armentano D. T. (2005) *Antitrust against competition*. Moscow, Al'pina Biznes Buks, 432 p. (In Russian)
- Best M. (2002) *New competition. Industrial growth Institutes*. Moscow, TEIS Publ., 366 p. (In Russian)
- World History of Economic Thought* (1997), pod red. V. N. Cherkovca. T. 6. Kn. 1. Moscow, Mysl' Publ. 782 p. (In Russian)
- Grinspen A. (2007) Antitrust regulation. *Ekonomicheskaya politika*, no. 3, pp. 1–7. (In Russian)
- DiLorenzo T. (2007) The origin of antitrust regulation: rhetoric and reality. *Ekonomicheskaya politika*, no. 3, pp. 60–71. (In Russian)
- Kizilov V. V., Novikov V. V. *To a question on the need to repeal antitrust laws*. URL: <http://www.prompolit.ru/files/477200/kizilov-novikov-at.pdf> (accessed: 15.12.2018). (In Russian)
- Kuznecov V. (1979) The crisis of the regulatory system of the capitalist economy. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 8, pp. 66–81. (In Russian)
- Lenin V. I. (1969) *Imperialism as the highest stage of capitalism*. Poln. sobr. soch. 5th ed. T. 27. Moscow, Politizdat Publ., 644 p. (In Russian)
- Marks K. (1960) *Capital*. Vol. I. Marks K., Engel's F. Soch. 2nd ed. Vol. 23. Moscow, Gospolitizdat Publ. 907 p. (In Russian)
- Marks K. (1961) *Capital T. III*. Marks K., Engel's F. Soch. 2nd ed. Vol. 25. Ch. I. Moscow, Gospolitizdat Publ. 545 p. (In Russian)
- Marks K. (1962) *Letter to Annenkov*, December 28, 1846. Marks K., Engel's F. Soch. 2nd ed. Vol. 27. Moscow, Gospolitizdat Publ. 695 p. (In Russian)
- Men'shikov S. M. (1979) *Inflation and the crisis of economic regulation*. Moscow, Mysl' Publ. 367 p. (In Russian)
- Men'shikov S. M. (1981) *Modern capitalism: from crisis to crisis*. Moscow, Mysl' Publ. 240 p. (In Russian)

- Novikov V. (2003) *The impact of Russian antitrust laws on economic development*. *Voprosy ekonomiki*, no. 9. P. 33–48. (In Russian)
- Osadchaya I. M., Zaikina V. I., Hrustaleva N. I. (1980) *State-monopoly regulation of the capitalist economy*. Moscow, Znanie Publ. 64 p. (In Russian)
- Pakhomova N. V. (2008) Sovremennaya konkurentnaya politika: teoreticheskij analiz i opyt realizacii. *Vestnik of Saint Petersburg university*. Ser. 5. Ekonomika, iss. 2, pp. 3–24.
- Political economy* (1955) Pod red. K. V. Ostrovityanova. Moscow, Gospolitizdat Publ. 640 p. (In Russian)
- The political economy of modern monopoly capitalism*. Pod red. N. N. Inozemceva, V. A. Martynova, A. G. Milejkovskogo. (1975). V 2 tomah. 2nd ed. Moscow, Mysl' Publ. 864 p. (In Russian)
- Revenko L. S. (2015) World markets: trends of the XXI century. *Vestnik of Saint Petersburg university*. Ser. 5, vol. 3, pp. 27–45. (In Russian)
- Tambovcev V. L. (2016) *Theory of state regulation of economics: Uchebnoe posobie*. Moscow, Prospekt Publ. 155 p. (In Russian)
- Taranuha Yu. V. (2012) *Competition: system and process*. Moscow, Delo I servis Publ. (In Russian)
- Taranuha Yu. (2017) Competition principle's modification in the proseses of evolution of competition. *Obshchestvo i ekonomika*, vol. 3–4, pp. 49–67. (In Russian)
- USA: *gosudarstvenno-monopolisticheskoe regulirovanie vosproizvodstva obschestvennogo kapitala*. (1972) Pod red. S. I. Tyulpanova i S. I. Ivanova. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. Im A. A. Zhdanova Publ. 238 p.
- Hodzhson Dzh. (2003) *Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics*. Moscow, Delo Publ. 464 p. (In Russian)
- Hajek F. A. (2001) *Individualism and economic order*. Moscow, Izograf Publ. 256 p. (In Russian)
- Shastiko A. E. (2008) Competition and Antitrust Policy in Neo-Austrian Theory. *Ekonomicheskaya shkola: Analiticheskoe prilozhenie*. Al'manah, vol. 6, pp. 81–113. (In Russian)
- Sheresheva M. Y. (2007) *Inter-organizational networks in the functioning of modern industry markets*. Moscow, Lomonosov MSU Publ. (In Russian)
- Schumpeter J. (1995) *Capitalism, socialism and democracy*. Moscow, Ekonomika Publ. 540 p. (In Russian)
- The economic laws of modern capitalism: the controversial mechanism of action*. (1988) Pod red. A. A. Demina i N. V. Raskova. Leningrad, Izd-vo LGU Publ. 232 p. (In Russian)
- Engel's F. (1955) *Outline to the criticism of political economy*. Marks K., Engel's F. Soch. 2nd ed., vol. 1. Moscow, Gospolitizdat Publ. 698 p. (In Russian)
- Buccirossi P., Ciari L., Duso T., Spagnolo G., Vitale C. (2011) *Competition Policy and Productivity Growth: An Empirical Assessment*. *Düsseldorf Institute for Competition Economics*. DICE Discussion Paper. 2011. No. 22. URL: http://www.dice.hhu.de/fileadmin/redaktion/Fakultaeten/Wirtschaftswissenschaftliche_Fakultaet/DICE/Discussion_Paper/022_Buccirossi_Ciari_Duso_Spagnolo_Vitale_2.pdf (accessed: 20.12.2018).
- Coscelli A. (2018) *Regulation and competition enforcement — a combined approach*. Chief Executive of the CMA delivers the keynote speech to the annual Fordham Competition Law Institute conference in the USA. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/fordham-competition-law-institute-annual-conference-2018-keynote-speech> (accessed: 18.12.2018).
- DiLorenzo T. (1996) The myth of natural monopoly. *The Review of Austrian Economics*, vol. 9, iss. 2, pp. 43–58.
- Hertog den J. (1999) *General theories of regulation*. Utrecht University. URL: <https://majandus.ut.ee/sites/default/files/mtk/dokumendid/e35f555bc5922cc21262fabfac7de2fc.pdf> (accessed: 18.12.2018).
- Hertog den J. (2003) Public and private interests in regulation. *Essays in the Law & Economics of Regulation*. URL: <https://dSPACE.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/724/full.pdf> (accessed: 18.12.2018).
- Nelson R. R. (1981) Research of productivity Growth and Productivity Differences: Dead Ends and New Departures. *Journal of economic literature*, vol. 19, iss. 3, pp. 1029–1064.
- Peltzman S. (1976) Toward a more general theory of regulation. *Journal of Law and Economics*, vol. 19, pp. 211–240.
- Perroux F. (1991) *Leconomie du XX sificle: ouvrage et articles*. Preses Universitaires de Grenoble. 814 p.
- Posner R. A. (1974) Theories of Economic Regulation. *The Bell Journal of Economics and Management Science*, vol. 5, iss. 5, pp. 335–358.
- Reducing regulatory barriers to competition. (2014) *Progress since 2008 and scope for further reform. Going for Growth Interim Report*. Ch. 2. Paris, OECD Publishing, pp. 65–89.

- Regulation and competition. (2017) *Reports by the Swedish Agency for Economic and Regional Growth. Report 0218*. Stockholm. URL: <http://publikationer.tillvaxtverket.se> (accessed: 12.12.2018).
- Review of Economic Theories of Regulation. (2010) *Discussion Paper Series 10–18*. Tjalling C. Koopmans Research Institute. Utrecht. URL: https://www.uu.nl/sites/default/files/rebo_use_dp_2010_10-18.pdf (accessed: 18.12.2018).
- Soros G. (2008) The worst market crisis in 60 years. *Financial Times*, 22 January.
- Stigler G. J. (1971) The Theory of Economic Regulation. *Bell Journal of Economic and Management Science*, no. 2, pp. 3–21.
- Weber M. (1968) *Basic Sociological Terms. Vol. I. Economy and Society*. Berkeley, University of California Press. 62 p.
- Declaration Summit On Financial Markets And the World Economy*. November. 15, (2008) URL: http://www.g20.org/Documents/g20_summit_declaration.pdf (accessed: 18.12.2018).

Received: December 22, 2018

Accepted: May 17, 2019

Author's information:

Yuriy V. Taranukha — Dr. Sci. in Economics; yu.taranukha@mail.ru